

A stylized, folk-art inspired illustration. In the center, a woman with long black hair and a face with concentric white and red patterns stands in a doorway. She wears a red dress with white vertical stripes. The doorway is arched and has a string of red beads hanging from it. The background is a warm, golden-yellow color. On either side of the doorway, there are blue, wavy, branch-like structures adorned with red flowers and green leaves. In the bottom right corner, a large, stylized hand with blue outlines reaches out towards the woman.

О Любви

Сказки для взрослых

Сказки взрослых О любви

<https://litres.ru/74617902>

SelfPub; 2026

Аннотация

Скромному преподавателю детской музыкальной школы, талантливому, но неудачливому пианисту Игорю Кустову тридцать восемь лет. Снаружи злой и язвительный, давно разочаровавшийся в себе и мире циник, в душе он теплит надежду на чудо, не оставляя мечту о славе и признании.

Перемены в его жизнь приносит неожиданное отцовство. Странная семилетняя девочка оживляет будни музыканта новыми бедами и событиями, через которые непременно выведет мужчину к мечте.

Содержание

Глава 1. Музыка.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сказки для взрослых

О любви

Глава 1. Музыка.

От огромных, распахнутых и деревянных, с грубо окрашенными серо-голубой краской рамами, окон музыкальной школы по воздуху и улице звонящим хохотом расходился детский смех и летел легко, переливаясь, касаясь светлым, живым звоном всего на своем пути. Додать щебету теплой, шелестящей, цветущей и дышащей весенней природы. Фасад школы только-только отремонтировали, и теперь издали, со всей подъездов, можно было разглядеть его аккуратное, оббитое молоденькой листвой массивных(многолетних) липовых и дубовых деревьев белоснежное каменное тело.

Смех доносился с третьего этажа здания, урок музыки детям преподавал в просторном и светлом, со старинным, но хорошо сохранившимся ремонтом, преподавал милый молодой мужчина с выразительными карими глазами- Кустов Игорь Константинович. Он нервничал и до красна растирал мясистый кончик своего красивого носа. Сами по себе быстро сменяли друг друга выражения на смуглом и квадратном, составленном из детских черт лице, идеально вы-

брилом, с гладкой бархатной кожей. На нем выделялись скулы, желваки, размашистые русые брови и большие и круглые, далеко посаженными друг от друга карие глаза, которые он, задумавшись, то щурил, то выкатывал, то замораживал. Роста Игорь был среднего, худощав, с длинными ногами, руками и пальцами, свои гладкие каштановые волосы мужчина каждое утро аккуратно укладывал и зачесывал назад, из-за чего на голове особенно выделялись чуть оттопыренные большие уши. Из под черного заношенного свитера выглядывали воротнички и манжеты бледно-лиловой рубашки. Низ наряда составляли серые шерстяные брюки с тонкими светлыми полосками и старенькие остроносые кожаные туфли. На запястье Игоря Константиновича из под одежды мелькал увесистый браслет из выцветшего серебра. Его звенья приятно лязгали, касаясь лакированного дерева учительского стола. До половины стен здесь заползла коричневая блестящая краска, вторую ее половину и потолки покрывала меловая побелка, на потолках, в пару рядов по три штуки, растянулись, словно плоские зеленовато-желтые гусеницы пластиковые светильники. На границе краски и побелки, на противоположной окнам стороне класса, размещались серо-коричневые портреты выдающихся музыкантов, среди которых были : Сергей Васильевич Рахманинов, Петр Ильич Чайковский, Дмитрий Дмитриевич Шостакович, Антон Григорьевич Рубинштейн и прочие. Почти у самых потолков, от окон расходились невесомые, грязные и короткие

занавески. Класс наблюдал словесную дуэль между Игорем Константиновичем и двенадцатилетним мальчиком Мишей Юрчиком. Раздражаясь, Кустов непроизвольно раскусывал до крови свои красивые маленькие губы, и до красна растирал ладонью длинную шею.

Михаил Юрчик , наглый и веселый мальчик уже больше года изводил учителей и срывал занятия. Кустов упорно, всеми законными способами пытался добиться отстранения ребенка от уроков. Игоря не столько задевало неуважение к собственной личности, сколько пренебрежение Мишей учебным процессом и музыкой и его плохое влияние на ребят. Справиться с холодным ядом обиды и гнева, неприятно переливающимся от его головы к животу и обратно, от насмешек детей, от гадкой, самодовольной ухмылки мальчика, Игорю помогла протянувшаяся с окна свежая волна теплого воздуха, пахнувшая цветочной сладостью и сыростью. Мужчине показалось, что в ней тихо играла музыкаа. Миша кривлялся в углу класса, за спиной учителя. Последний спокойно дождался, пока развеется очередная волна смеха и продолжил.

-Сдались вам, господин Юрчик, эти уроки музыки? Вас, я думаю, вполне бы удовлетворили просторы чистого поля да леса,- поднялась одобрительная, не очень громкая волна смеха. Игорь Константинович ,облокотившись на спинку стула, вытянул ноги вперед, сложил руки на груди, говорил ядовито самоуверенно. Наконец, дети затихли,- там можно ,

не стесняя себя, свободно носиться, вопить, хохотать, найти друзей по интересам. Стены нашего класса явно стесняют вашу безразмерную натуру,- дети посмеивались негромко.

-Как обезьяне...или... бычку?!- озорно спросил Миша, чуть взвизгнув, по прежнему стоя в своем углу, повернув на Игоря одну только голову,- класс взорвался смехом.

-Оставлю это вашей фантазии!- равнодушно и быстро отвечал учитель.

-А может ...вы просто так себе учитель, Игорь Константинович?- не сразу, с довольным оскалом спросил мальчик. Дети молчали, хихикнула одна Надя. Игорь это заметил, обида больно укусила его нутро.

-Может быть, Миша,- спокойно, ничуть не дрогнув продолжил Игорь,- но ведь из-за вашего балагана, в котором я вынужден участвовать, у меня совсем нет возможности вести урок и проверить свои возможности, как педагога...

-Хорошему учителю, я думаю, не составило бы много труда заставить ученика учиться. - перебил его насмешливый голос Миши,- или хотя бы заинтересовать его занятием...- Мальчик недобро улыбался, отвернув от всех свою голову в угол. Дети молчали.

-Заставлять вас что-то делать, не входит ни в мои обязанности и ни в чьи вообще. Это сугубо ваше личное дело- после недолгого молчания проговорил Игорь, серьезно глядя на мальчика,- человек, не несущий ответственность за свои действия, слова или бездействие сам по себе не существу-

ет. Либо лжец, либо гад, либо... слабак...- рассуждал Кустов, потупив взгляд, - Выбирайте сами...господин Юрчик-Игорь Константинович щелкнул ручкой и вернулся к записям в журнале.

Ухмылка сползла с лица Миши, он совсем недолго подумал и медленно повернул голову к Кустову, сказав уверенно и громко:

-Я бы на вашем месте рассуждал осторожнее, а то последних перспективных учеников распугаете, и на заплатки для штанов и те, хватать перестанет , - громко прозвучал голос мальчика, тут же оглушительно рванул смех детей.

Игорь Константинович за годы преподавания стал совершенно неуязвим к бессмысленной, не имеющей границ и не знающей жалости, детским злобе и жестокости. Но вид заливающейся хохотом Нади Красновой, любимейшей и лучшей его ученицы,стал гадкой пыткой. Миша сделал непростительное, и решительно Кустов признал одно: мальчик больше никогда не должен появится на его занятиях.

Миша Юрчик происходил из семьи состоятельной , и был одним из четырех мальчиков в классе. Имел выразительные и крупные черты лица, крепкое телосложение, да и внешне уже походил на юношу, назло преподавателям, посещающим музыкальную школу в спортивных костюмах, кроссовках и кепках. До плеч спускались его прямые и густые каштановые волосы , над задорными карими глазами расходились широкие темные брови, пышными длинными пучкам закру-

чивались ресницы. Зубы у Миши были маленькие, как у котенка, с большими просветами между друг другом, в сочетании со светлой кожей, большим ровным носом и веснушками- мальчик обладал красивой внешностью. Полной противоположностью ему был Яшенька Попов. Девятилетний , худощавый, с бледной кожей, вечно простуженный молчаливый мальчик, с неизменно чуть отросшими , засаленными, крупными и засаленными кудрями, свисающими до самых его глаз, с длинным носом с горбинкой, носящий вечно сползающие с переносицы квадратные очки с толстыми линзами. Яша, казалось, знал лишь несколько фраз: “Здравствуйте”, “Прошу прощения”, “Могу ли я уточнить?” , “До свидания”, либо говорил еле слышно:”Можно?”, когда хотел выйти или сделать что угодно, находясь в классе. Остальное время он молчал с мягкой, ничего не выражающей улыбкой на лице, а через линзы его очков смотрели то ли растерянно, то ли изумленно, серые глаза. В музыкальную школу Яша приезжал либо сам на старом зеленом велосипеде с большими тонкими колесами, либо его приводила бабушка, но в обоих случаях мальчик являлся за сорок минут до начала занятий. Яша одевался в поношенные, всегда большие ему по размеру деловые пиджаки, рубашки, брюки, жилетки и даже туфли. Мальчика хвалили и ставили в пример другим ученикам, что он переносил всегда молча и несколько печально, сидя, по обыкновению, один за своей партой. Другие дети сторонились Яшу, но ни они, ни даже Миша Юрчик никогда не до-

нимали его и не дразнили. Да и не было у Попова с Юрчиком общих предметов для соперничества.

Десятилетняя Надя Краснова являлась гордостью преподавателей и школы. Голубоглазая, высокая и худенькая, с длинными светлыми кудрями до пояса, светлой бархатной кожей и кукольным личиком. Насмешливая, манерная и неразговорчивая- Надя всегда выглядела аккуратно и красиво. Не обладала особым талантом девочка добивалась всего врожденной педантичностью и трудолюбием. Но с появлением в классе Миши Юрчика девочка, как говорят “испортилась”, стала взбалмошной, прогуливала с мальчиком занятия, ленилась, опаздывала, подшучивала над преподавателям и учениками. Но не простительным для Игоря оказалось только хамство по отношению к себе.

...

-Тишина!- набрав в грудь воздуха, с невозмутимым лицом, взревел Кустов , и дети, никогда раньше не слышащие от него подобного, перепугались и в миг затихли. Миша ощутил в себе странную тревогу, по-прежнему улыбаясь, взглядом выдавая беспокойство.

-Ты сейчас извиняешься и уходишь отсюда сам, раз и навсегда,- громко проговорил учитель.

-Вы обиделись?- с расползающейся довольной улыбкой прошептал Юрчик. Игорь молчал. -Прости...- класс негромко захохотал,- ой, то есть, простите грешника...ой, грешного!- Миша, будто дьявольский зазывала, разжигал в глазах

детей какой-то зверинный, холодный огонь.

-Десять, девять, восемь...- приглушенно и четко, придерживая подбородок рукою проговаривал Игорь Константинович.

-И что же вы сделаете?-громко поинтересовался Миша.

Кустов важно и медленно развернулся к мальчику. Последний, гримасничая, на носочках,сам прискакал, и завалился боком на учительский стол, подмяв под себя все бумаги, подперев голову ладонью , и ожидающе постукивал пальцами правой руки по дереву, задорно поглядывая на детей в классе. Игорь выдохнул, и исподлобья взглянув на Мишу, произнес с лукавой улыбкой:

-Ну вы и танцор!...- Игорь ухмыльнулся, сверкнули его темные глаза. Он достал свой телефон и что-то мельком показал мальчику на экране, затем, сложив на груди руки, медленно мотал головой , поджав губы.

Миша перестал улыбаться и затих, медленно поднялся со стола, не отрывая взгляда от Кустова. Нависшая в классе тишина затянулось. И наконец:

-Семь, шесть, пять,-громко и монотонно поднимался и отбивал слова, будто кукушка в механизме старых часов, голос Кустова. И тогда смятение в Юрчике сменила ярость: Миша выхватил из рук Игоря Константиновича телефон и стремительным движением разбил его об твердый пол класса, и часто дыша, огляделся вокруг, чуть замешкался на месте и рванул за вещами и схватив их в охапку- к выходу,- три, два...-

настойчиво раздавался непоколебимый Кустов. Миша остановился в дверях, поняв, что еще от него требуется, но лишь оглянулся, и не произнес ни слова- ушел, громко хлопнув дверью.

Класс замер в тишине.

-И так. У нас осталось двадцать минут, которые мы, наконец, сможем посвятить занятию,- равнодушно заключил Игорь Константинович, поглядывая на осколки, рассыпавшиеся по мраморной плитке.

На этой же недели преподавателя вызвала к себе директор музыкальной школы. Ее обитель представляла собой узкую длинную комнату, разделенную гипсокартонной стеной на приемную, где работала секретарь Ира- седовласая, короткостриженная и худощавая, всегда серьезная и угрюмая женщина лет пятидесяти , и собственно кабинет директора. Здешний аромат, состоял из множества запахов, из которых можно распознать лишь некоторые: табака,копченостей, жареного лука, древесины, сырости, кофе, подслащенного духами пота, кислого молока. Пол, предположительно прямо поверх старой битой плитки, застелили светлым линолеумом, а трещины на стенах и толстенный слой голубой краски заменяли теперь светлые и блестящие деревянные панели до невысокого, аккуратно зашпаклеванного потолка. Из прежнего интерьера осталась лишь мебель. Игорь поприветствовал Иру. И привыкший за годы знакомства к односторонней любезности, просто прошел дальше и постучался в

нужную дверь, дернув за ручку. Она оказалась заперта.

-Ну куда?- серьезно бросила Ира,- занята! Подождите.- Секретарь недовольно цокнув, приложила рабочий телефон к уху,- Да,- тихо произнесла она,- Кустов!- из трубки раздавалась громкая, неразборчивая речь. Ира, не дослушав, прервала звонок.

Игорь стоял на прежнем месте. Секретарь вернулась к своим бумагам, ничего ему не объяснив.

-И?- закатил глаза и зевая громко поинтересовался Игорь, положив руку на стол женщины.

-Ждите- Анна Егоровна сама вызовет,- равнодушно пробормотала Ира, не глядя на Кустова.

Тут же из кабинета зазвучали голоса, суета и грохот. Шаги приближались, щелкнул замок, резко распахнулась дверь- в проходе возникла тучная, под два метра ростом, с короткими розовыми ,чуть отросшими кудрями, с красной кожей лица, мясистым широким носом, будто удивленными, круглыми и светлыми, далеко друг от друга посаженными глазами, с тонкими коричневыми полосками вместо бровей и овальным лицом. Она не обратила на Игоря внимания и с грохотом прошагала мимо, точно бы сшибя мужчину на ходу, не успей он отойти в сторону. Анна Егоровна направилась к Ире. Последняя украдкой обвела директора печальным взглядом.

...

Руководила музыкальной школой уже двенадцатый год

энергичная женщина, шестидесяти четырехлетняя Рявкина Анна Егоровна. Одежду она любила деловую и яркую- разноцветные пиджачные костюмы, пестрые рубашки, брючные комбинезоны, украшения носила крупные и заметные- серьги и кольца в виде птиц и цветов, браслеты с самоцветами, броши и бусы с искусственным жемчугом, различную позолоченную бижутерию. А дужки и оправы всех ее очков украшала фианитовая крошка или мелкие стразы. Обувь предпочитала исключительно на каблуках, хоть и невысоких. Другими запоминающимися ее чертами были полные , будто покусанные насекомыми, губы и большой рот, который обычно производил быструю речь неоднородной тональности. Анна Егоровна добралась до стола Иры.

-Ужас Ир. Я все-всеее, понимаешь?! Ты скажи, оно мне надо!? Мне вот это все надо!?Опять отдает,- она положила руку справа на ребра, но быстро поправилась, скользнув левее,- Фуууф,- Анна Егоровна опустилась на стул рядом с секретарем и громко возмущалась, жестикулируя и размахивая во все стороны руками с длинными оранжевыми ногтями, - еще этот ...Кустов...- фамилию, пусть и не всю, пусть и не особо тихо, она произнесла шепотом. И директриса и Ира мельком глянули на мужчину.

-Ничего, ничего,- пробормотала секретарь,- и не таких, и...- она прижалась к столу,и прошептала -пе-ре-жи-вали... вы главное себя берегите,- Ира погладила Анну Егоровну по прелой спине, - все остальное мелочи жизни.

Директор еще отдышалась и, наконец, недобро уставилась на Игоря, наблюдающего равнодушно из угла приемной. Анна Егоровна тяжело поднялась, держась рукой за невысокую стойку стола, ее чуть придержала Ира, и после женщина пошла уже спокойным шагом.

-Заходи!- бросила она, не оборачиваясь на Кустова- он молча последовал за ней.

С порога в мужчину врезался поток жаркого воздуха- внутри, несмотря на теплую погоду, работал тепловентилятор, окна были закрыты, царил полумрак, характерный запах стал гораздо кислее. Громоздкий полукруглый стол Рязкиной из темного дерева, располагался посередине комнаты, у самой стены, слева от него ютился зеленый диванчик, старенький и засаленный. На нем в замятые кучки были скручены пледы с маленькими и твердыми коричневыми подушками. Казалось ,кто-то только-только лежал в них. Параллельно дивану, у двери возвышался старый узкий застекленный шкаф с разлитыми узорами, лакированный, вишневого цвета, второй такой возвышался позади стола директора. Два шкафа и полоска пыльного красного ковра, растянувшаяся по всему кабинету вдоль правой стены, сильно выделялись в светлой обстановке помещения. У окон, напротив дивана стояло восемь деревянных стульев с мягкими, персикового цвета, бархатными сиденьями и спинками. Стену за столом Анны Егоровны украшали многочисленные грамоты, дипломы и фотографии с учениками музыкальной шко-

лы. Застекленные шкафы были заставлены книгами и позолоченными кубками. Анна Егоровна опустилась в кресло и тяжело вздохнула. Игорь стоял посреди кабинета, надеясь, что все пройдет быстро и выйдет поучаствовать в разговоре стоя.

- Садись! - без злобным тоном прикрикнула на него женщина, - вон стулья. Сам в курсе.

- Анна Егоровна, я на выходном и не расположен к долгим разбирательствам. Можем мы это побыстрее?...

- Садись, тебе говорят! - прогремела в ответ Рязкина, - не "расположен" он, а я расположена? - она опустила глаза в пол и наиграно нервно закопошилась, перебирая на столе шариковые ручки и карандаши, пару раз щелкнув мышкой выключенного компьютера. Из-за какого то там Кустова, чтобы я еще выслушивала, - бубнила она про себя.

- Зачем? - уточнил Игорь.

Директор молча глянула на него исподлобья, будто дикий зверь. Ответить не успела.

- Игорь Анатольевич, присядьте пожалуйста. Пожалейте бедную Анну Егоровну, - опередил ее томно залепетавший из угла комнаты тоненький голос, - поверьте, у нее тоже совсем нет на вас времени. - Оказывается, между диваном и вишневым шкафом у стола Рязкиной, в темноте на стуле сидела миниатюрная, смуглая, светлоглазая и очень худая женщина лет сорока, с большим горбатым носом, тонкими широкими губами, высоким округлым лбом и соломенными волосами,

собранными в объемную длинную косу , свисающую до пояса. Она складывала лекарства в вязаную пластиковую корзинку, звали ее Лисица Людмила Ивановна, женщина преподавала в школе вокал, а недавно получила должность завуча, являясь одновременно давним и заклятым врагом Кустова . Женщина, словно тень, невесомая и бесшумная, подлетела к столу Анны Егоровны и положив корзинку в ящик, присела на табурет, позади стола директора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.